

Глава 11

— Ты пила?

Жуань Ихань знала Цинь Хайяо слишком хорошо. У большинства людей хмель сразу ударял в голову, у неё же всё выдавали глаза — они наливались краснотой, делая её похожей на маленького испуганного кролика.

Цинь Хайяо редко притрагивалась к спиртному. Да и в прошлой жизни Ихань сама оберегала её от алкоголя.

И на то была веская причина: Жуань Ихань однажды уже увидела, на что способна пьяная Цинь Хайяо.

Это случилось в их первый День влюблённых ещё до перерождения.

Ихань тогда так отчаянно ластилась к ней, не желая отпустить, и шептала на ушко всякие бесстыдства, способные свести с ума:

— Погляди на себя, вечно ты такая зажатая. Даже в постели никак не расслабишься. Сегодня ведь наш праздник, неужели не хочется чего-нибудь погорячее?

Чего-нибудь погорячее?

В ответ Цинь Хайяо просто молча осушила полный бокал крепкого байцзю.

И та ночь действительно превзошла все самые смелые ожидания.

Ихань до гробовой доски не забыть ту картину: разметавшиеся по плечам смоляные пряди Хайяо, её покрасневшиеся кроличьи глаза, горящие первобытной страстью, и этот вкрадчивый, томный шёпот, похожий на зов искусительницы из самой бездны:

— Сегодня командовать буду я.

Ихань тогда, задохнувшись от восторга, рванулась обнять её, но Хайяо мягко, но властно упёрлась тонкими пальцами с алым маникюром ей в ключицу:

— Не двигайся.

Это был первый раз, когда скромница Цинь Хайяо взяла инициативу в свои руки.

Тот безумный напор, властную нежность... и ненасытность Госпожа Жуань запомнила навсегда.

— Я не причиню вам неудобств, госпожа Жуань.

Холодный, отстранённый голос Цинь Хайяо безжалостно полоснул по воспоминаниям Ихань. Она тряхнула головой, прогоняя наваждение, и уставилась на гостью.

Странное, извращённое чувство.

Когда-то безграничная любовь заставляет тебя исходить кровью от нанесённых ран. Но когда твоё сердце превращается в обугленную пустыню, ты получаешь полное право швырнуть эту прошлую любовь себе под ноги. Растоптать её, издеваться, упиваться её унижением.

Замкнутый круг ада, в котором выживших нет и быть не может.

Они прошли в спальню.

Цинь Хайяо привычным отточенным движением принялась обрабатывать руки антисептиком. Было заметно, что её мысли витают где-то далеко.

Она стояла, понутив голову, и то и дело прикусывала бледную губу. Хайяо всегда отличалась хрупкостью, а её тонкую талию, казалось, можно переломить одним неосторожным движением. Ихань заворожённо наблюдала за ней какое-то время, а затем медленно, крадучись, стала сокращать расстояние между ними.

Цинь Хайяо настолько ушла в свои переживания, что не услышала шагов. Лишь когда крепкая рука властно обхватила её за талию, она вздрогнула и вскинула голову. В её глазах промелькнул испуг, но деваться было некуда — её уже намертво прижали к тёплому телу.

— О чём ты думаешь?

«Она снова что-то замышляет против меня»

Ледяным вихрем пронеслось в сознании Ихань. Её взгляд мгновенно потух, превратившись в бездонные холодные колодцы.

В прошлой жизни она порой злилась на Хайяо, но в её глазах никогда не было этой безжалостной, хищной свирепости.

Цинь Хайяо попыталась упереться ладонями ей в грудь, чтобы отстраниться, но Ихань тут же

перехватила её запястья:

— Осторожнее, доктор Цинь. У меня рана.

Голос звучал мягко, почти интимно, однако в глазах плескалась такая лютая, удушающая ненависть, что перехватывало дыхание.

Цинь Хайяо тут же замерла, боясь потревожить повреждённую руку. Какая примерная забота о пациенте.

Ладонь Ихань медленно скользнула вверх и нежно коснулась её щеки. Кожа у Хайяо была безупречной — фарфорово-белой, прохладной и гладкой.

Пальцы, словно ядовитый плющ, медленно оглаживали скулы и виски. Понимая, что эти ласки таят смертельную угрозу, но боясь сделать резкое движение и повредить швы на руке Ихань, Цинь Хайяо стояла неподвижно. Она лишь напряглась всем телом, безмолвно снося это унижительное прикосновение.

Пальцы спустились ниже. Провели по векам, очертили переносицу и остановились на губах.

В тот миг, когда пытка осязанием стала для Хайяо невыносимой, Ихань резко отстранилась.

Она вальяжно дошла до кровати, опустилась на матрас и принялась неторопливо расстёгивать рубашку, обнажая перебинтованное, бледное плечо:

— Начинайте.

Её непредсказуемость сводила с ума.

Любая другая женщина на месте Хайяо уже тряслась бы от страха и неопределённости. Но Цинь Хайяо была соткана из иного теста. словно привыкнув к капризам и бурям Госпожи Жуань, она молча приблизилась и принялась аккуратно менять повязку.

Рана затягивалась на глазах. Всё-таки организм у Ихань был крепким — сказывались забота, здоровое питание и отличная генетика.

Тщательно обработав края раны, Хайяо тихо произнесла:

— Ещё дня два-три, и всё затянется.

Обычный пациент обрадовался бы такой новости, но Ихань лишь равнодушно потянулась

здоровой рукой к пачке сигарет на тумбочке. Она достала одну и небрежно спросила:

— Значит, как только всё заживёт, доктор Цинь больше не удостоит меня своими визитами?

Пальцы Хайяо на секунду замерли. Она медленно подняла взгляд.

Глаза Ихань потемнели, напоминая холодные обсидианы, таящие в себе скрытую угрозу:

— Доктор Цинь, вы ведь прекрасно понимаете, что нравитесь мне.

И пускай эти слова звучали как праздная издёвка пресыщенного богача, пальцы Хайяо всё равно предательски дрогнули.

Эта секундная слабость принесла Ихань почти садистское удовольствие. На её губах промелькнула едва заметная торжествующая усмешка:

— Ну же, выкладывай. Зачем ты пришла сегодня на самом деле?

Хайяо изумлённо посмотрела на неё.

Она с ранних лет привыкла скрывать свои истинные чувства глубоко внутри. Когда она молчала, никто — ни тётушка Цинь, ни её приёмные родители — не мог разгадать её мысли.

Но для Жуань Ихань она была словно открытая книга.

Ихань встретила её растерянный взгляд с абсолютным, пугающим спокойствием.

«Ты всё ещё надеешься обольстить меня этим невинным взглядом? Бесполезно, Цинь Хайяо. Я уже однажды поверила тебе и сгорела дотла. Думаешь, я наступлю на те же грабли?»

Когда-то эта женщина была смыслом её жизни, сокровищем, которое она оберегала от любых невзгод. Теперь же она превратилась в послушную игрушку в её руках.

— Доктор Чу упомянул, что вы ищете личного терапевта, госпожа Жуань.

Голос Хайяо лился тихо и плавно. Она упорно избегала прямого зрительного контакта, сосредоточившись на завязывании бинта.

«Вот, значит, каков твой второй шаг, чтобы подобраться ко мне поближе»

Мысленно усмехнулась Ихань.

— А вы на редкость осведомлены, учитель Цинь, — с ядовитой иронией произнесла она.

В её тоне сквозило откровенное пренебрежение. Хайяо выдержала паузу, закончила перевязку и, наконец, прямо посмотрела на неё:

— Могу ли я претендовать на это место, госпожа Жуань?

Претендовать?

Ихань пристально разглядывала её. Из-за перевязки в комнате горел яркий хирургический свет — безжалостный к любым недостаткам лица, под которым любая косметика выглядит неестественной маской. Но на лице Хайяо лежал лишь едва заметный, тончайший слой пудры. Её безупречная кожа казалась почти прозрачной, губы манили естественной свежестью, а в глубине тёмных глаз читалась обезоруживающая искренность.

Одного такого взгляда обычному человеку хватило бы, чтобы навсегда утонуть в нём без остатка.

Ихань криво усмехнулась и холодно отчеканила:

— Чтобы стать личным врачом семьи Жуань, одной твоей квалификации маловато.

Хайяо знала, что лёгкого согласия не будет. И всё же от этих слов её сердце болезненно сжалось. Она и сама не понимала, о ком сейчас переживает больше — о себе или о младшей сестре.

Ихань с явным удовольствием смаковала её растерянность:

— Но если должность лекаря тебе не светит, то место домашней игрушки всё ещё вакантно.

— Игрушки?.. — тихо переспросила Хайяо.

Пусть она и выросла в чужой семье, приёмные родители никогда ни в чём ей не отказывали и относились с глубоким уважением. Она получила блестящее образование, всегда была гордостью преподавателей, а сейчас строила успешную научную карьеру на университетской кафедре, где её прочили в будущие профессора.

Подобное грязное, откровенное оскорбление она слышала впервые в жизни. И произнёс его человек, которому она когда-то доверяла больше всех на свете — без тени жалости, уважения

или раскаяния.

Ихань крутила в пальцах незажжённую сигарету, наблюдая за реакцией:

— Свободна. Иди и думай. Через три дня я жду ответа. Либо ты соглашаешься на мои условия, либо убираешься вон из моей жизни навсегда.

На следующее утро дом содрогнулся от праведного гнева. Обнаружив в кухонном ведре вчерашний, бережно нарезанный арбуз, бабушка Жуань пришла в ярость:

— Ах ты, паршивка мелкая! Мой арбуз — и в помойку?!

Ихань, только-только продравшая глаза, стояла посреди кухни в полуспущенной с одного плеча шёлковой пижаме:

— Бабуль, ну чего ты шумишь спозаранку?..

— Где моя трость?! Живо неси сюда мою палку! — бушевала старушка.

Пахло неминуемой трёпкой.

Ихань со смехом подскочила к ней и крепко обняла со спины:

— Ладно-ладно, прости! Просто доктор Цинь к нему не притронулась, а оставлять на жаре нельзя было — боялась, что ты съешь несвежее и отравишься.

— И впрямь?

Бабушка Жуань с прищуром оглядела внучку, выискивая подвох:

— На ходу сочиняешь?

— Честное слово, — невинно захлопала ресницами та.

«Ложь — штука заразительная. Стоит один раз соврать, и дальше всё идёт как по маслу»

К завтраку в гости заглянула тётушка Цинь. Она привезла домашние соленья, которые

специально выписала из родных краёв. Старушка Жуань пришла в полный восторг и умяла под хрустящие маринады две пиалы пшённой каши.

Едва отставив посуду, бабушка потребовала включить её любимый сериал, но Ихань тут же замахала руками:

— Никакого телевизора. Лучше музыку послушай, а то опять глаза воспалятся от твоей сухости.

— Больно надо мне твои советы слушать! — огрызнулась пожилая дама.

Готовая вот-вот разразиться домашняя буря заставила тётушку Цинь лишь покачать головой. Она мягко улыбнулась Ихань:

— А-Хань, ну как тебе первый день на работе? Каковы впечатления от офиса?

Ихань покосилась на бабушку и зашептала заговорщическим тоном:

— Тётушка, а можно я сегодня дома останусь? С непривычки всё тело ломит, так устала...

— Ещё чего!

Обычно глуховатая бабушка Жуань в этот момент продемонстрировала поразительную чуткость слуха:

— Только вчера первый день отработала, а сегодня уже филонишь?! Будет из тебя толк когда-нибудь или нет?!

Ихань тут же пустила в ход своё главное оружие — капризы:

— Но у меня рука ноет! Сил нет терпеть! Не пойду, и не просите!

Рассвирепевшая старушка замахнулась на неё клюкой, но тётушка Цинь вовремя перехватила её руку:

— Матушка, пощадите её. Рана у А-Хань действительно ещё свежая. Пусть побудет дома денёк, наберётся сил.

— Балуеть ты её без меры!

Пожилая женщина недовольно вздохнула, сокрушаясь о ленинции внучки, но стоило ей взглянуть на белые бинты, как в её глазах промелькнула жалость, и она сдалась.

Если прежние поколения семьи Жуань обладали железной хваткой и неуёмными амбициями, выстроив огромную корпорацию с нуля, то от разнеженной Ихань бабушка ждала лишь одного — чтобы та хотя бы не пустила по миру всё семейное наследие.

Глядя на то, как внучка забила в угол дивана и с аппетитом хрустит яблоком, не отрываясь от экрана телефона, старушка покачала головой:

— Ну вот что ты за человек? Ладно, бог с ней, с работой, если ума на бизнес не хватает. Но ведь взрослая уже девка, а в голове один ветер! Хотя бы невесту в дом привела, порадовала старуху перед смертью.

Ихань сладко зевнула и кокетливо откинула назад длинные локоны:

— Бабуль, ну с моей-то внешностью тебе ли переживать? Я боюсь другого: как бы мне не пришлось вести сюда целый гарем, у тебя же глаза разбегутся.

— Смотри у меня, крутихвостка, — шутливо пригрозила пальцем бабушка. — Даже не думай морочить девкам головы.

Ихань неопределённо пожала плечами и как бы между прочим заметила:

— Кстати, бабуль. Я вчера немного полистала отчёты в офисе... Похоже, за последние годы тётушка Цинь прибрала к рукам управление практически всеми ключевыми кадрами и делами нашей группы.

Бабушка рассеянно кивнула. Воспользовавшись тем, что внучка отвлеклась, она ловко утащила у неё банку с газировкой и сделала быстрый глоток:

— Я ведь старею. Память уже подводит, соображаю туго. Ты тогда совсем зелёная была, ни к чему не приспособленная. Если бы не Цинь Цинь, бог знает, удержали бы мы компанию или нет.

— Да уж, у тётушки Цинь потрясающий талант убеждения, раз она заслужила твоё абсолютное доверие, — вкрадчиво протянула Ихань.

В её голосе проскользнули странные, двусмысленные нотки. Старая госпожа Жуань строго посмотрела на внучку:

— Что за глупости ты мелешь? Когда твои родители без вести пропали, именно Цинь Цинь

взвалила на себя всю эту неподъёмную ношу и помогла нам выстоять.

Встретив суровый взгляд бабушки, Ихань примиряюще улыбнулась:

— Да я ведь не спорю. Тётушка действительно невероятно предана делу. Просто вчера я прошлась по этажам и заметила, что буквально каждый сотрудник смотрит на неё как на божество. Её авторитет в корпорации непререкаем.

Пожилая женщина на секунду задумалась, погружаясь в свои мысли. Она даже не заметила, как внучка аккуратно забрала банку с колгой обратно.

Ихань бесшумно поднялась с дивана, решив на этом закончить разговор. Она прекрасно понимала: пара мимолётных фраз не разрушит многолетнее доверие старой госпожи к верной помощнице. Но вода камень точит. Семя сомнения было посеяно, и теперь оставалось лишь капля за каплей возвращать в душе бабушки спасительную настороженность.

После обеда Ихань отправилась в домашний спортзал вместе с А-Ли.

Травмированная рука всё ещё ныла, лишая возможности полноценно тренироваться, так что девушка просто сидела на скамье и лениво наблюдала за тем, как её телохранительница отрабатывает удары на боксёрской груше. Движения А-Ли были безупречны — годы упорных тренировок превратили её тело в гибкую, смертоносную пружину, реагирующую на любые изменения за доли секунды.

И всё же этого было недостаточно.

Перед глазами Ихань возник суровый образ Дуаньцзы — молчаливого, покрытого шрамами бойца, преданного тётушке Цинь до гроба. Нам нужен был противовес:

— Слушай, А-Ли, — задумчиво протянула она, — у тебя ведь есть какой-то дальний родственник... Сюй Цзянь, кажется?

А-Ли остановилась, тяжело дыша, и вытерла пот со лба полотенцем:

— Да, есть такой. А почему ты вдруг о нём вспомнила? Парень только-только окончил институт, сейчас как раз мается, работу ищет.

— Отлично. Пусть перебирается к нам и работает под твоим началом.

А-Ли опешила, но уже через секунду её глаза радостно заблестели:

— Серьёзно?! Но справится ли он?

Ведь личную охрану молодой наследницы всегда подбирали исключительно старая госпожа или тётушка Цинь после строжайшего отбора. Простым смертным туда путь был заказан — требовались безупречные рекомендации и огромный опыт. А её кузен Сюй Цзянь был простым деревенским увальнем — упрямым, нескладным великаном. Вместо нормальной учёбы он бредил боевыми искусствами и махал кулаками. Недавно он и вовсе заявил, что уходит послушником в Шаолинь, чем чуть не довёл собственную мать до инфаркта.

Ихань недовольно нахмурилась:

— Сказала «пусть приходит» — значит, пусть приходит. Хватит разводить дебаты.

Девушка едва не запрыгала от восторга. Наскоро бросив полотенце, она засобиралась к выходу, чтобы поскорее обрадовать родню. Но у самой двери Ихань остановила её коротким приказом:

— Цинь Хайяо должна приехать с минуты на минуту. Проводи её прямо сюда.

— Сюда? В спортзал? — удивилась А-Ли.

Ихань проигнорировала её вопрос. Одним плавным движением она стянула с себя спортивную куртку, оставшись в облегающей белоснежной майке, выгодно подчёркивающей фигуру. Размяв шею, она сделала несколько быстрых выпадов, разогревая мышцы.

А-Ли невольно сглотнула слюну. Ей показалось, что во взгляде молодой хозяйки разгорелось опасное, хищное пламя. Точно так же её глаза блестели в студенческие годы, когда они вдвоём собирались на разборки с местными бандами.

Ихань резко вскинула голову и поторопила её:

— Что застыла? Иди води её.

<http://bllate.org/book/20651/2130833>